

Валерий Брюсов

Как прекратить войну

Валерий Яковлевич Брюсов

Как прекратить войну

«Не должно быть двух мнений о совершившемся в России перевороте. Только духовные слепцы могут не видеть, как величественно-прекрасен был охвативший всю Россию порыв; только враги родины могут отрицать всемирно-историческое значение недавних событий, в корне изменивших государственный строй в России; только люди, чуждые самым светлым заветам нашего прошлого, в частности – всей русской литературы, от Новикова, Радищева, Пушкина, через Герцена, Огарева, Тургенева до Льва Толстого, Чехова, Максима Горького и других, наиболее видных наших современников, могут сомневаться в том, что ныне исполнились лучшие чаяния прекраснейших умов нашей истории. Преклонение перед свободой, во всех её проявлениях, и перед свободными формами общественной жизни всегда было самой характерной чертой русской литературы, которая в течение десятилетий и столетий была единственной выразительницей русской общественной жизни. Если же почти единогласный хор русских писателей временами всё же как бы замирал, то причину этому надо искать в неусыпной деятельности цензуры, которая годами и поколениями обесцвечивала русское печатное слово, позволяя издавать и приучая писать лишь то, что не слишком противоречило видам и соображени-

ям прежнего правительства. Тем не менее никакая цензура не в силах была окончательно исказить общее настроение русской литературы, и то, что мы переживаем ныне, есть воплощение её исконных идеалов...»

Валерий Брюсов
Как прекратить войну
О современном положении
России[1]

Si vis pacem – para bellum.

Если хочешь мира – веди войну.

Не должно быть двух мнений о совершившемся в России перевороте. Только духовные слепцы могут не видеть, как величественно-прекрасен был охвативший всю Россию порыв; только враги родины могут отрицать всемирно-историческое значение недавних событий, в корне изменивших государственный строй в России; только люди, чуждые самым светлым заветам нашего прошлого, в частности – всей русской литературы, от Новикова, Радищева, Пушкина, через Герцена, Огарева, Тургенева до Льва Толстого, Чехова, Максима Горького и других, наиболее видных наших современников, могут сомневаться в том, что ныне исполнились лучшие чаяния прекраснейших умов нашей истории. Преклонение перед свободой, во всех её проявлениях, и перед свободными формами общественной жизни всегда было самой характерной чертой русской литературы, которая в течение десятилетий и столетий была единственной выразительницей русской обще-

ственной жизни. Если же почти единоголосный хор русских писателей временами всё же как бы замирал, то причину этому надо искать в неусыпной деятельности цензуры, которая годами и поколениями обесцвечивала русское печатное слово, позволяя издавать и приучая писать лишь то, что не слишком противоречило видам и соображениям прежнего правительства. Тем не менее никакая цензура не в силах была окончательно исказить общее настроение русской литературы, и то, что мы переживаем ныне, есть воплощение её исконных идеалов.

Понятно основное стремление народа, который, после долгих тщетных порываний и попыток, получил, наконец, то, чего целые века так напряжённо жаждал. Сохранить взятую с бою свободу, оборонить её от всех грозящих ей с разных сторон опасностей и твёрдо установить на все будущие века нашего исторического бытия, – такова задача наших дней и таково стремление, в котором объединяются все населяющие Россию народы, все политические партии, все классы и все слои общества. Но что же должно делать для этого?

Где враги свободы и как надо с ними бороться, как предупредить их удары? Что нужно предпринять, чтобы упрочить свободные формы жизни? В каком направлении следует работать, чтобы развить заложенные начала народоправства? – Вот вопросы, встающие сейчас перед каждым, кто сознаёт себя русским гражданином. Россия велика, Россия многообразна, в миллионах её населения сталкиваются и перекрашиваются «перекрещиваются?» самые различные желания и ожидания. Каждому отдельному индивидууму, каждой группе, каждому обособленному классу кажется, со всей искренностью, что его или их мнение есть самое истинное, что оно-то и заключает в себе благо России. Но есть одно пожелание, преобладающее над всеми другими, живущее в каждом сердце, входящее, иногда бессознательно, во все программы и во все планы, – пожелание, исполнение которого лучше всего может обеспечить бытие нашей молодой свободы. Достаточно его формулировать, чтобы каждый узнал в этом пожелании свою открытую или затаенную думу, и оно гласит:

Должно окончить войну!

Солдаты, изнемогающие год за годом в сырых окопах, в тяжёлых переходах и переездах и в смертоносных боях; матери и жены, тоже на годы разлучённые с мужьями и детьми; городское население, измученное расстройством продовольственного дела, постоянным отсутствием предметов первой необходимости; всё крестьянство, выносящее на себе путём косвенных налогов основную тяжесть непомерных военных расходов; короче говоря, каждый, живущий в России, русский или иностранец, за исключением, может быть, ничтожной кучки гнусных мародеров, наживающихся от войны, – со стоном молит: «Пусть война окончится скорее!» Война всегда – величайшее зло; война – проклятие и ужас истории; война – пережиток варварства, недостойный, позорный для просвещённого человечества. Но в наши дни для России война – зло двойное, тройное. Нам нужен мир, чтобы укрепить не вполне ещё прочное основание нашей свободы, чтобы пересоздать весь строй нашей жизни на новых, свободных началах, чтобы наверстать потерянное

царским режимом за несколько столетий на всех поприщах. Нам нужен мир, чтобы спокойно предаться созидательной работе, огромной, почти безмерной: коренной перестройке везде подгнившего здания нашей государственности и общественности.

Перед нами справедливые требования различных народностей, населяющих Россию, которые нередко были до последнего времени лишены элементарных прав свободного человека: – рабочего класса, требующего правильной организации труда и отношений между ним и капиталом; – крестьянства, дезорганизованного, во многих местностях доведенного до нищеты, везде намеренно ввергнутого в невежество; – молодежи, стремящейся к высшему образованию и сталкивающейся с крайним недостатком университетов и высших технических школ; – отцов и матерей, желающих дать начальное образование всем своим детям и не находящих достаточного числа училищ и гимназий, не говоря уже об отсутствии бесплатного обучения; – литературы и прессы, надеющихся полно воспользоваться свободой печатного слова

и ждущих потому новых законов о печати; – всего общества, уверенного, что оно столь же полно будет пользоваться свободой собраний и организаций и благами самоуправления, что также необходимо организовать путём особого законодательства; – духовенства, армии, ремесленников, всех имеющих свои нужды и требования; – наконец, каждого гражданина, ожидающего твёрдого установления и осуществления неприкосновенности личности. Перед нами тысячи, десятки тысяч таких неотложных вопросов, которые легко разрешить в отвлечённых формулах, можно временно осуществить революционным, захватным путём, «явочным порядком», но которые действительно осуществить, провести глубоко в жизнь, внедрить во всеобщее сознание и обеспечить навсегда – можно только путем напряженного труда, гигантской законодательной работы, требующей времени и, главное, спокойствия.

Такого же спокойствия требует, в сущности, и созыв Учредительного Собрания, которое должно решить вопрос о государственном устройстве России и дать руководящие дирек-

тивы для всей предстоящей законодательной работы. Выбирать Учредительное Собрание под громы пушек и мортир, при условии, что миллионы граждан сосредоточены на фронтах, вдали от своего постоянного местожительства, а другие, к сожалению, тоже едва ли не миллионы, томятся в плену и будут тем лишены избирательного права, конечно, – не невозможно, но крайне затруднительно и не вполне справедливо. Что мы ответим бывшим пленным, несколько лет протомившимся в крепостях и концентрационных лагерях Германии и Австрии, когда, вернувшись, наконец, на свободную родину, они спросят нас: «За то ли, что мы рисковали жизнью и пожертвовали своей свободой, обороняя границы родной страны, вы лишили нас права, по совести, подать свой голос при выборах в Учредительное Собрание? За то ли, что мы, благодаря неумелому ведению войны царским правительством и разным предательствам, попали в плен, нам не позволили участвовать своими головами в разрешении основных вопросов того будущего строя, при котором ведь и мы будем

жить в России? За что вы признали нас лишенными гражданских прав?» Конечно, созыв Учредительного Собрания откладывать невозможно; оно нам необходимо, как воздух, которого начинает недоставать. Но насколько успешнее прошли бы выборы, насколько полнее и правильнее была бы выражена воля всей России, если бы эти выборы в Учредительное Собрание происходили не при условиях войны, а в дни мира, при общем спокойствии!

Таким образом, вся жизнь России, все её интересы, ближайшие и более отдаленные, говорят нам об одном и том же. Всё сводится к одному: нам прежде всего, раньше всего, выше всего нужен: мир!

Надо скорее закончить войну, надо скорее заключить мир, в этом – благо России, в этом обеспечение нашей свободы!

Но каким путём можно достичь этой вожделенной цели, заключения мира?

Прежде всего, мир бывает разный. При прежнем правительстве бывали годы, даже ряды десятилетий, когда Россия «наслаждалась» внешним миром. Но вряд ли мы за-

хотим вернуться к миру под тяжкой властью столыпинского режима. Получила мир и Франция после 1814 года, когда коалиционные русско-немецко-английские войска разгромили последние силы Первой империи и вернули на французский престол ненавистных народу Бурбонов в лице безногого, ослабленного и почти слабоумного Людовика XVIII. Хотим ли мы получить нечто вроде подобного мира? Разве не может быть «мир» горше, тяжелее всякой «войны»?

Вероятно, если мы предложим германским империям мир «на каких угодно условиях», мы получим в ответ согласие заключить мир. По условиям такого мира, целые области, населенные нашими братьями или народами, издавна связавшими свою судьбу с Россией, перейдут под тяжкую пяду прусского деспотизма; на Россию будет наложена невыносимая тяжесть неслыханной контрибуции, выплачивать которую придется и нам лично, и нашим потомкам, истощая свои силы в работе на пользу немецких господ; нам приказано будет принять выгоднейший для Германии торговый договор (одна из главных при-

чин войны), который подорвёт нашу торговлю и промышленность, поведет к банкротству банков и закрытию фабрик и заводов, к великой безработице в массах, к окончательному обнищанию крестьянства. Да, конечно, если мы захотим мира «какой бы то ни было ценой», мы, вероятно, встретим сочувствие со стороны наших врагов; Германские империи пойдут нам навстречу, не вмешиваясь в вопрос нашего государственного устройства, предоставляя России быть монархией или республикой, как ей заблагорассудится самой. Это наше внутреннее, частное дело, *Privatsache*, как скажут немцы, получая всё, для них более существенное: Прибалтийские губернии, преобладающее влияние в обрубленной Польше, протекторат над Константинополем и проливами и берегами Черного моря, контрибуцию, торговый договор. Но может ли удовлетвориться таким миром Россия?

Мы уже не говорим об том, что были у России, у русского общества светлые надежды, может быть, обманчиво поданные царским правительством: оказать благодетельное вли-

ание на судьбу других стран и протянуть руку помощи другим угнетённым народам. Были мечты, что победа союзников над Германскими империями поведёт к осуществлению справедливых надежд поработанной и растерзанной на части Польши, что польский народ получит, наконец, возможность самостоятельной жизни, соединит в одно целое свои, разделённые между тремя государствами земли и, путём самоопределения, установит для себя формы своей государственности и общественности; что армянский народ будет вырван из рук герmano-турецкого владычества, которое, с жестокостью, неслыханной в самые чёрные исторические эпохи, занималось систематическим истреблением армян, избив, замучив и запытав за три года войны до полутора миллиона людей и обратив в дикие пустыни цветущие города и плодородные провинции; что будет восстановлена независимость сербского народа, первого среди славян, создавшего чисто-демократическое государство, и что сербы соединятся со своими братьями, томящимися под нелегким игом Габсбургов; что такое же соединение с зару-

бежными братьями будет предстоять и румынскому народу, и итальянцам; что будет вполне восстановлена независимость Бельгии и что это благородное королевство будет полностью вознаграждено за все перенесённые им опустошения и разорения; что население Эльзаса и Лотарингии, 45 лет тому назад отторгнутое от Франции по акту насилия, получит возможность, по своему желанию и выбору, вновь слиться с родным французским народом. Были мечты и о многом другом, — мечты, быть может, обманчивые, намеренно разогреваемые в нас с иными, чуждыми нам целями, но мечты прекрасные, связанные с идеей самоопределения народов...

В условиях «мира» «какой бы то ни было ценой», мы должны будем отказаться от всех этих мечтаний, т. е. от всякого участия в разрешении всех этих вопросов, От всякого влияния на судьбу «малых народов». Мы предоставим тогда сербов, черногорцев и бельгийцев их участи; мы скажем им: «Добивайтесь осуществления своих прав сами, а мы вам помочь не можем или не хотим, так как у нас своё, более важное, домашнее дело».

Мы также скажем полякам и армянам: «Устроить вашу судьбу мы не в силах, поддерживать вас более не будем; защищайтесь сами от немцев и турок, а если защититься невозможно, умирайте, смертью политической или смертью на виселице, на кольях, в огне сожигаемых деревень!». Мы скажем всей Европе, всему миру: «Устраивайтесь, как хотите, сами, без нашего содействия! Нам нужен мир; мы его с Германией заключили, на каких условиях, это – наше дело. Остальное нас не касается...». Положим, что мы скажем так; положим, что мы пойдём на любые условия мира, и положим, что наши «враги», Германия и её союзники, согласятся на наши предложения... Но согласятся ли на такую комбинацию, допустят ли её наши «друзья», наши «союзники», прежде всего самые могущественные из них – Франция и Англия?

Вопрос о том, должна ли новая, свободная, демократическая Россия соблюдать международные договоры, заключённые прежним, царским, монархическим правительством, – вопрос, заключающий элементы спорные.

До некоторой степени, все мы, русские граждане, прежние «подданные» царя, и каждый в отдельности ответственны за то правительство, которое мы всё же сносили в течение столетий. Кроме того, принимая государственное наследие, как и принимая частное наследство, вряд ли справедливо отказываться платить долги того, чьё наследие принимается; а международные договоры есть своего рода долговые обязательства; то были реальные обещания, под которые Россия получала различного рода ссуды, и денежные, и материальные, например, военными запасами и военным снаряжением. Но не будем становиться на такую шаткую почву, как понятия «честь России» или «долг (нравственный) государства», ибо понятия эти не всеми толкуются одинаково. Останемся в пределах того, что называют «реальной политикой», где испокон веков, со времён вавилонских царей и египетских фараонов вплоть до Меттерниха, Талейрана и Бисмарка, «честь» и «долг» (нравственный, не денежный) были только пышными словами и где на деле руководящими понятиями являются «выгода» и «расчёт».

Можем ли мы, стоя на почве «реальной политики», отказаться от всех международных договоров и обязательств прежнего, царского правительства?

Участие России в войне, безусловно, крайне выгодно Франции и Англии, отчасти также – Италии, Соединённым Штатам Северной Америки и другим нашим «союзникам». Неужели же Англия и Франция, а за ними и остальные «союзники», без всякого протеста согласятся и без всякого сопротивления допустят, чтобы Россия «взяла свою булавочку из игры», вышла из союза и предоставила Германии свободу действий на Западе? Ведь если Россия заключит сепаратный, отдельный мир с Германскими империями, без особого соглашения о том со своими союзниками, это будет означать, что у Германии будут развязаны руки. Все турко-болгаро-германские армии, которые ныне сдерживаются русскими войсками на наших фронтах, окажутся тогда переброшенными на фронты Западный, Итальянский и Македонский. Соотношение сил сразу переменится к большей выгоде центральных империй. Англия, Фран-

ция и Италия увидят, что число их врагов едва ли не удвоилось, когда и теперь наши западные союзники, с великим трудом, подвигаются вперёд буквально по саженьям в неделю. Неужели же они спокойно допустят свершиться такой перемене и удовлетворятся нашим объяснением, что нам «мир необходим»? Именно в области «реальной политики» такие объяснения окажутся не имеющими никакой цены, и в силу вступят соображения «расчёта» и «выгоды».

Не только весьма вероятно, но совершенно несомненно, что Англия и Франция к нашей попытке заключить сепаратный, отдельно от них, мир отнесутся как к акту против них враждебному. Им такая наша попытка будет представляться «коварством» и «изменой», и они, конечно, пожелают и постараются отомстить нам и будут в том считать себя правыми. (Точнее говоря, правительства Англии и Франции, в той предполагаемой нами «месте», будут руководствоваться, прежде всего, всё теми же соображениями «выгоды», но и французское, и английское общество будут признавать действия своих правительств

«справедливыми», так как поведение России будет им казаться «предательским»). Что у Англии и Франции найдутся средства для такой мести сомневаться не приходится. Они, например, могут, при первых известиях о наших намерениях заключить сепаратный мир, вступить в свою очередь в переговоры с Германией, результатом чего будет не сосредоточение всех турко-болгаро-германских войск на Западном фронте, а сосредоточение их на нашем, русском фронте. Видя, что Россия хочет «выйти из игры», Англия и Франция, из наших «союзников» став нашими «врагами», могут, спасая своё достоинство, предоставить германцам, болгарам и туркам все желаемые «компенсации» получать с одной России. И кто знает, что такое предложение не будет иметь успеха и что, покинутые всеми союзниками, мы не должны будем расплатиться за войну ценой в десятеро, в двадцать раз более дорогой, чем при сохранении союза? Тогда, может быть, тот «мир на каких угодно условиях», о котором мы только что говорили, покажется нам уже недостижимым блаженством в сравнении с теми, новыми

условиями, какие будут нам продиктованы Германией, освобождённой от угроз с Запада, со стороны Салоник и с моря!

Разумеется, всё это – только предположения. Но, что Англия и Франция не отнесутся безразлично к заключению нами сепаратного мира, это – несомненно. Что начать переговоры о мире, без предварительного соглашения с нашими союзниками, значит – возбудить против себя и общественное мнение всей Европы, и опасную вражду таких сильных противников, как Англия и Франция, это – столь же несомненно. На какие бы жертвы мы ни готовы были пойти ради достижения мира, мы раньше всего должны условиться и уговориться с нашими союзниками, больше всего с Англией и Францией как наиболее среди них могущественными и властными, чтобы обеспечить себе действительную возможность заключить тот мир, с предложениями которого мы выступим. Иначе мы рискуем тем, что уступки, которых от нас потребует Германия, при попущении бывших наших союзников, достигнут таких пределов, согласиться на какие будет означать – вызвать вол-

ну народного негодования и, может быть, контр-революцию, способную погубить всё дело свободы...

Итак, как бы ни велико, как бы ни напряженно было в нас всех желание мира, на пути к достижению его стоят два определённых препятствия: во-первых, требования Германии, во-вторых, воля наших союзников. Только добившись от Германии, не говорим «почётных», но приемлемых для обеих сторон условий и только получив согласие союзных с нами государств, можем мы заключить мир. При иных условиях мы или не сможем довести до конца начатые переговоры о мире, или получим мир, который не только не даст нам успокоения, но поведет к междоусобной войне и контрреволюции.

Но какими же путями добиться от Германии приемлемых условий мира, а от наших союзников согласия на него?

Благородная попытка Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, обратившегося с предложением мира к германской социал-демократии, как известно, прямого успеха не имела. Ответ, или, вернее, от-

сутствие всякого определённого ответа, показал, что договариваться пока надо всё же с правительством Вильгельма. Определённо положение Германии, Австрии, Турции и Болгарии нам неизвестно; но совершенно ясно, что оно не из легких: это подтверждается всеми вестями, доходящими из «вражеских» стран. Однако, центральные империи чувствуют себя победителями на всех фронтах, горды занятием территории пяти государств, полностью или в большей части (Бельгия, Польша, Сербия, Черногория, Румыния), и своим сопротивлением «всему миру», в течение без малого трёх лет. Общественное мнение в Германии ждёт, что эти «победы» будут вознаграждены выгодными условиями мира, и правительствам центральных империй почти невозможно не выставлять в настоящее время тяжёлых для союзников требований. Каковы в точности эти требования, тоже пока неизвестно, ибо официальных переговоров не происходило, но общий смысл их достаточно определился и много раз был высказываем в прессе. Требования эти таковы, что Англия и Франция, в настоящее время,

не считают их приемлемыми, а следовательно, как мы постарались показать выше, не может их принять и Россия.

Но будущее достаточно грозно для центральных империй. Рассказы и пророчества об экономическом истощении Германии и Австрии были преувеличены; ожидать, что Германия сдастся под влиянием голода, конечно, нельзя, после того как немцы овладели пашнями Польши и пробились в плодородные области Передней Азии. Однако, трудность экономического положения не может не быть большей в Германии, чем в других воюющих странах, так как она всё же блокирована английским флотом, отрезана от тех рынков, с которых раньше получала значительную часть потребного ей хлеба. Далее, опасной угрозой стало перед Германией вступление в число воюющих держав Соединённых Штатов С«еверной» А«мерики»; не так скоро, но эта новая гиря на чаше союзников заставит весы склониться в их сторону. Силы Северной Америки ни в коем случае не являются величиной, которой можно пренебречь, *quantite negligeeable*, и немцы сами это

хорошо сознают. Наконец, в Германии, хотя бы и с меньшей остротой, чем у нас, тоже с каждым новым днем всё шире разливается жажда мира, неодолимая потребность окончить войну. Длительность её для Вильгельма и его правительства, особенно после русской революции, значит рисковать своим положением, может быть, рисковать судьбой династии. Сейчас правительство Вильгельма ещё может настаивать на своих преувеличенных требованиях, но с каждым новым месяцем войны, если, конечно, то не будет для немцев ряд военных триумфов, станет всё труднее откладывать заключение мира под предлогом недостаточной выгодности предлагаемых условий...

В настоящее время, все воюющие государства и все народы, вовлечённые в войну, открыто или бессознательно чувствуют, понимают, что войну надо закончить. Россия ощущает это острее, нежели другие страны, но без исключения все видят, что дальнейшее ведение войны – бессмысленно. Первоначальные благородные лозунги («права малых народностей», «восстановление попорченной

справедливости», «уничтожение милитаризма» и т. п.) не то что позабылись, но превратились в ничего не значащие формулы. Первоначальным предположениям обеих воюющих сторон, когда каждая мечтала, что в силах будет окончательно сокрушить врага, оказались явно неосуществимыми. Сколько бы ни длилась война, ни Германия не «раздавит» союзников, ни союзники не «разгромят» Германии. События выяснили, что при современных способах ведения войны, когда армией является почти весь, вооруженный, народ, такой исход столкновения – немыслим. Осталась, может быть, кучка крупных «мародеров тыла», представителей международного капитала, для которых длить войну – выгодно, которые были достаточно бесстыдны, чтобы ждать этого, и достаточно сильны, чтобы этому способствовать. Но, в конце концов, влияние этих отдельных групп, которые, к сожалению, имелись и, может быть, ещё имеются во всех странах, не может не быть подавлено общим, всех народов, стремлением к миру. Самые сильные влияния закулисной политики имеют свои

пределы.

Силою вещей, самым течением событий, Германское правительство будет принуждено предложить условия мира, приемлемые для союзников, для Англии, для Франции, для нас и для других вовлеченных в борьбу государств, и день этот, по всему судя, уже недалёк. Но для этого необходимо, чтобы сила сопротивления германскому натиску не ослабевала ни на один час, ни на одном из фронтов. Чем сильнее будет давление союзных армий на армии центральных империй, чем глубже в состоянии будут продвигаться англо-французские войска и войска Салоникского фронта и чем решительнее наши армии вновь перейдут из обороны в наступление, возвращая отторгнутые у России германцами коренные русские области, — тем скорее наступит тот вожделенный день, когда явится возможность начать действительные переговоры о мире. Конечно, военные планы, планы кампаний, составляют большую тайну; но не надо проникать в эту тайну, не надо быть прозорливцем, чтобы видеть ближайшие расчёты Германии. Без всякого

сомнения, она намерена пользоваться наступающим временем, чтобы ещё до появления на арене борьбы северо-американских сил нанести новые тяжкие удары своим врагам. Однако, на Западе Германии больше двигаться некуда и незачем; там она может ограничиться обороной и даже допустить новое сокращение фронта; в России у Германии есть надежда, пользуясь переходным временем, которое мы переживаем, занять ещё ряд местностей, а может быть, – как о том нас давно предупреждают, – попытаться занять и Петроград. Каждая лишняя пядь земли, захваченной в России, послужит Германии новым очком, когда она будет торговаться об условиях мира. На осень 1917 года мы можем ожидать чудовищного натиска германских армий, которые тяжёлой лавиной обрушатся на наши.

Сейчас на нашем фронте как бы заключено негласное перемирие: немцы почти не тревожат наших армий[2]. Но было бы безумие – полагаться на это спокойствие и думать, что опасность нового германского нашествия на Россию отпала. Германии, как и нам, необходим мир; как мы, она ис-

кренне желала бы его заключить. Но Германия должна, принуждена выставить такие условия мира, которые мы принять не можем; – не можем не в силу отвлечённых представлений о «чести России», а по совершенно реальным причинам: потому что не можем возложить на страну непосильные тяготы, которые неизбежно поведут к страшным внутренним потрясениям, и потому что не можем изменить делу союзников, которые сумеют нам за «предательство» отплатить жестоко. Если даже мы начнём, отдельно от Франции и Англии, переговоры о сепаратном мире, мы принуждены будем их прервать, так как к тому властно побудит нас самый простой расчёт, сознание, что из «двух зол» всё же должно выбрать «меньшее». Меньшее зло – война; оно – огромно; но большее зло – разорение всей России, ещё невиданные кризисы финансовые и промышленные, опасная вражда со стороны бывших союзников, вероятно, междоусобная распря внутри страны и, может быть, торжество реакции... При таком выборе колебаться нельзя, а как только мы вновь выберем войну, Герма-

ния ударит всей силой подготовленного «кулака» именно по нашему фронту.

Этот удар мы должны встретить тоже готовыми, должны его вынести и отразить. Речь идёт не о «войне до победы»; решительная победа, повторяем, при условиях современной войны невозможна, а в частности для нас, при том положении, до какого прежнее правительство довело наши военные дела, вряд ли достижима в какой бы то ни было степени. Не о том идёт речь, чтобы «разбить» германские армии в «генеральном» сражении, вновь занять Польшу, идти на Берлин и захватить чужие земли: о таких планах не стоит спорить, потому что они всё равно за пределами реальных возможностей. Но мы должны остановить германский поток, если он опять хлынет на нас, или, ещё лучше, предупредить наступление, заставив германцев очистить те позиции, с которых они грозят нам. Дело стратегов, знатоков военного ремесла, решить, должны ли мы только «держаться» или «наступать». Сами по себе эти термины ничего не значат, на практике нельзя отделить одно от другого, и, часто, на вой-

не «защищаться» можно только «нападая». Но только показав себя способными защищаться, показав, что революционные армии не менее, а более стойки, чем царские, — мы можем приблизить тот день, когда начнутся действительные переговоры о мире.

Для выполнения и этого дела потребны усилия величайшие, крайние. Без всякого перерыва, с постоянной напряжённостью должна продолжаться вся работа тыла: безостановочное снабжение армии боевыми снарядами и продовольствием, а следовательно и безостановочная, усиленная, а не сокращённая, деятельность заводов и фабрик, работающих на оборону; и столь же усиленное движение по путям сообщения, а также планомерная эвакуация больных и раненых с фронта. Наряду с этим наши армии должны постоянно пополняться новыми кадрами солдат и офицеров, флоты должны находиться в полной боевой готовности, парки артиллерийские и воздухоплавательные должны стоять на всей высоте своих задач и т. д. Почти излишне говорить, что всё это может быть достигнуто лишь при одном условии: при гос-

подстве во всей армии, от её верхов до низов, строгой и стройной дисциплины, нисколько не противоречащей, – как показывают примеры старых демократий, – соблюдению уважения к личному достоинству каждого члена армии, офицерами по отношению к солдатам, солдатами по отношению к офицерам. Давно известно, и подтверждено горькими опытами истории, что дисциплина в армии есть первый, необходимейший и ничем не заменимый залог успешного ведения военных операций. Никакие массы войска, никакие технические приспособления, никакой талант полководцев, даже никакое одушевление войск – не в силах заменить отсутствия воинской дисциплины. На примере сражающихся с нами германцев мы видим, какое первенствующее, почти всеобъемлющее значение имела дисциплина и в современной войне: Германия прежде всего сильна и опасна железной организованностью и своих фронтов, и своего тыла.

Вот почему всё, что в наши дни разрушает или даже только колеблет дисциплину в нашей армии, есть неоправдываемое преступ-

ление перед родиной и бесповоротно отдаляет день окончания войны. Колебать дисциплину в нашей армии значит – ослаблять её способности вести военные операции, отнимать у России возможность заключить мир и, далее, облегчить всякие покушения на нашу свободу. Нарушать дисциплину в армии значит – действовать против демократии, совершать акт анти-революционный. Бесспорно, многое в установившейся армейской дисциплине подлежит пересмотру и переустройству на новых, демократических началах. Но, во-первых, частью это уже сделано и «явочным порядком», и отдельными распоряжениями нового военного министерства; во-вторых, коренное переустройство в этой области, как и во всех других, должно быть отложено до времени спокойной работы над новой организацией всей русской жизни, после властных указаний Учредительного Собрания. Сейчас перед нами две неотложнейших задачи, ради разрешения которых можно и должно временно поступиться очень многим: нам надо заключить мир и избрать Учредительное Собрание.

В тяжёлые и ответственные дни, которые мы теперь переживаем, нам необходимо располагать сильной и дисциплинированной армией. Для этого высшая военная власть (военное министерство и главнокомандующие) должна быть облечена достаточными полномочиями, чтобы решительно прекращать всякие случаи нарушения дисциплины: неповиновение начальникам, дезертирство, самовольные выступления и т. д. В продолжение войны надо уметь повиноваться, и повиновение власти – столь же демократический принцип, как самое её избрание. Свободолюбивые римляне, в эпоху республики, умели в случае опасности отказываться от народоправства, отстраняли избранных консулов и вручали всю полноту власти, вплоть до права жизни и смерти по отношению к каждому гражданину, – особо избранному диктатору. Мы, по счастью, ещё далеки от таких обстоятельств, когда возникла бы потребность последовать примеру республиканского Рима. Но, чтобы избежать такой крайности, мы должны предоставить военной власти исполнить в полной мере свой долг и свои обя-

занности, должны повиноваться ей, ничем не колебля её авторитета и силы. Те, которые стоят во главе, должны пользоваться полной свободой действий в пределах своих полномочий. Иначе нельзя вести войну и, следовательно, нельзя приблизиться к миру.

Вопрос об отношении к высшей военной власти, конечно, теснейшим образом связан с вопросом об отношении ко всему Временному Правительству. Те же соображения приводят к заключению, что центральная власть, в наши дни, должна быть единой и твердой. Разделение власти, двоевластие – пагубно для нас в крайней степени. Если мы хотим скорее окончить войну, чтобы предаться созидательной работе, мы должны оказывать доверие правительству, поскольку в общем оно идёт по верному пути, поскольку мы не видим необходимости на место одного состава правительства поставить другой... Все партийные споры, всякая рознь, все второстепенные несогласия должны быть отложены до другого времени. Ведь перед нами, – мы в это верим! – целые века свободной жизни, в течение которых будет время рассмот-

реть внимательно все противоречивые мнения и сознательно выработать «равнодействующую», выражающую истинную волю всей России. Временно должно принести жертву, отказаться от достижения некоторых, даже важных целей, чтобы достичь, как можно скорее, приемлемого для нас мира, что уже обеспечит, в самом существенном, сохранение и развитие завоеванных свобод. Способствовать сохранению твёрдой и единой центральной власти – долг каждого гражданина в наши дни. Призывать к этому, сколько у него есть голоса, – долг каждого русского писателя.

Каков же вывод из всех этих соображений?

Наша высшая цель – упрочение и развитие добытой свободы. Для этого, прежде всего, должно в скорейшем времени закончить войну и заключить мир. Но заключить мир возможно, в реальной обстановке событий, только на приемлемых для России условиях (т. е. без возложения на неё непосильных тягот) и по соглашению с нашими союзниками. Время для такого мира сейчас ещё не пришло,

но оно близко. Если мы отразим грядущий натиск германских армий, мир явится сам собою. Он висит, как созрелый плод на ветке, и упадёт нам в руки, если мы дождемся должного мгновения. Но выждать это мгновение мы можем только с оружием в руках. Военные операции, в смысле деятельной обороны от германского наступления, должны вестись с неослабевающей энергией, не с уменьшенным, а усиленным напряжением.

Тем временем наша дипломатия должна столь же деятельно вести все подготовительные работы по заключению мира. Нашим союзникам и, через нейтральные правительства, центральным империям должны быть предложены определённые условия мира. Может быть, то, что называется «военной» и «дипломатической тайной», не позволит обнародовать во всеобщее сведение всех подробностей этих переговоров, но о самом факте их умалчивать нет причин. Мы должны знать, что наша дипломатия работает в этом направлении, что она, на вполне определённых условиях, предлагает воюющим державам окончить борьбу, во многом утратившую

свой первоначальный смысл.

Что касается самых условий мира, то, разумеется, предвидеть их трудно. Между прочим, они будут зависеть и от событий наступающих месяцев. Но, во всяком случае, можно сказать, что столь волнующий наше общество вопрос об аннексиях – вопрос едва ли не праздный. России рассчитывать на какие-либо территориальные приобретения при существующем положении вещей, кажется, не приходится. Можно только говорить о сохранении тех земель, которыми мы обладали до начала войны, против чего не раздается возражений, (при этом, разумеется, мы не имеем в виду Польши, самостоятельное бытие которой как бы предрешено обеими сторонами). Вопросами, подлежащими обсуждению, могут явиться только, не считая тех, в которых Россия мало заинтересована и о которых будут улавливаться преимущественно наши союзники, – это: пределы будущего Польского государства (от которого, по слухам, Германия намерена отторгнуть Познань, а Австрия – Галицию), судьба турецких областей Армении[3], те части заня-

тых германцами наших Прибалтийских губерний, которые Германия желала бы оставить за собой, и, может быть, участь нам родственных сербов... Что до Дарданелл, то русскими им всё равно не быть: это совершенно явно... Если же нам удастся получить свободный выход из Чёрного моря, напр., через объявление Константинополя нейтральным портом, то такой успех нашей дипломатии вряд ли возбудит в ком-нибудь какие-либо возражения... А будут ли требоваться какие-либо аннексии Германией на Западном фронте (части Бельгии) или Англией, Францией, Италией и другими нашими союзниками, для нас довольно безразлично: мы не располагаем силами, чтобы тому помешать или даже чтобы оказать существенное влияния на решение этого вопроса.

И последнее соображение... Несомненно, были преувеличены опасения, что победа германцев приведёт к нам старый режим, что Николай II вернётся в Зимний дворец на штыках прусских солдат. Немцы, заключая с нами мир, по всему вероятно, не подумают вмешиваться в наши внутренние дела;

быть может, даже Германия, по разным соображениям (вовсе не бескорыстным), предпочтёт иметь своей соседкой Русскую республику, а не Всероссийскую монархию. Но надо подумать о том впечатлении, какое произведёт в умах многих, и очень многих, новый военный успех Германии, напр., занятие германскими войсками Петрограда или заключение мира на особо-выгодных для Германии условиях. Если русская свободная держава начнёт своё бытие военными неудачами и тягостным миром с врагом, это глубоко отразится на психологии всего населения России, прежде всего – её многомиллионного крестьянства. Не будут ли говорить тогда: «Царь всё-таки защищал Русь, а новое правительство защитить родину не сумело!». Истинные причины совершившегося будут ускользать от понимания масс, а явный результат будет у всех перед глазами и сделается могущественным стимулом реакционных сил. Борьба с попытками реставрации предстоит нам неизбежно; надо позаботиться, чтобы у врагов свободы не оказалось в руках такого сильного оружия, как указание на «позорный»

мир. Наше поражение в борьбе с германцами грозит нам поражением в борьбе с реакцией.

Во имя всего великого, чем мы сейчас обладаем, во имя светлого будущего, открывающегося перед нами, во имя упрочения и развития русской свободы, – мы должны призывать к отражению нового германского нашествия, грозящего нам, к неумолимому продолжению войны, которое одно обеспечивает нам «приемлемый» мир. Во имя священной свободы мы должны, со всем напряжением сил, оказывая полное доверие единой и твердой центральной власти, оставаться на наших позициях, как того ждут от нас наши западные союзники. Ради вожделенного мира, чтобы достичь скорейшего окончания войны, мы должны вести её, не ослабевая. *Si vis pacem para bellum*, говорили римляне. Никогда это выражение не было более применимо, нежели в наши дни и к нам. «Если хочешь мира, веди войну!».

〈Март 1917〉

Сноски

В основной своей части эта статья повторяет соображения, которые были высказаны автором в речи, произнесенной на собрании писателей в Москве в начале марта 1917 г. Для настоящего издания речь была пересмотрена и расширена. Однако, события в наши дни идут с такой быстротой, что нередко написанное вчера оказывается устаревшим, анахронизмом сегодня. Во всяком случае, автор просит читателя помнить, что статья была сдана в печать ещё до образования коалиционного министерства, чем были осуществлены некоторые из пожеланий автора.

[^^^]

2

Самые последние известия говорят даже, что Гинденбург (по какому праву именно он?) откликнулся на предложения о мире, остерегшись, однако, указать какие-либо его реальные условия.

[^^^]

Вопрос о судьбе турецко-армянских областей затрудняется, и (тем, что другим) странам сравнительно легко предоставить возможность самим решить свою судьбу, путём «самоопределения», т. е. общественного голосования (плебисцита), который выяснит истинные стремления большинства населения. Но турецко-армянские провинции предупредительно лишены своего коренного населения: по германскому совету (см. «Синюю книгу» по армянскому вопросу), турки вывели всех армян (кажется, около миллиона человек) из их родной земли и поселили, в ужасающих условиях жизни, в Месопотамии и по другим местностям. Какое же значение будет иметь голосование (плебисцит), произведённое только в среде оставшихся в этих провинциях и вновь туда приехавших курдов и турок?

[^^^]